

Упомянули секту Небесной Тени? Значит, среди этого сброда затесались практики. Надо же... Держать притон на большой дороге, торговать людьми да резать постояльцев. Совсем покатило под откос величие праведных орденов.

Сам Цзинь Хань, будучи величайшим Дьяволом, ничуть не видел противоречия в собственных мыслях.

Разбойники, уверенные в легкой наживе, приглушенно загоготали, предвкушая резню. Подручный трактирщика потянул на себя дверь и так и замер на пороге.

В паре шагов от него стоял Цзинь Хань. Воздух между ними словно заledenел.

Парень явно не ожидал увидеть здесь постояльца. Лицо его побелело, а язык заплетался от страха:

— Го... господин, вам что-то угодно?

Цзинь Хань держался куда увереннее. Он слегка, почти дружелюбно улыбался.

— Проголодался, — мягко ответил он, заглядывая за плечо парня. — Решил поискать на кухне чего-нибудь съестного. Смотрю, у вас тут людно.

Позади прислужника испуганно переглядывались его сообщники, не успевшие спрятаться.

— Да вот... — заискивающе заулыбался тот, пятясь назад. — Господа тоже проголодались, зашли перекусить на ночь глядя. На улице метель, пока до комнат донесешь — все остынет. А на кухне у печи тепло, место хоть и мало, зато погреться можно. Вот я и примостил их здесь.

«Полчаса назад только из-за стола встали, а теперь снова жрать приспичило? Словно голодные духи из преисподней переродились», — подумал Цзинь Хань.

Но вслух он ничего не сказал. Лишь вежливо кивнул:

— В таком случае приготовьте и мне что-нибудь. Я заберу к себе.

— Будет сделано! — обрадовался парень и тут же крикнул вглубь кухни:

— Старик Ли! Сообрази-ка нашему гостю пару горячих блюд да две плошки рисовой каши. С собой заберет!

Из темноты донеслось глухое ворчание повара.

«Я просил одну порцию, а ты уже за двоих решил, шельма», — мысленно усмехнулся Цзинь Хань.

Впрочем, спорить он не стал. Да и какая разница, если до ужина эти недоноски все равно не доживут.

— Господин, стряпня быстро поспеет, — сладко запел слуга. — На дворе стужа лютая, заходите внутрь, погрейтесь у огня, пока ждете.

Цзинь Хань скользнул взглядом по лицам притаившихся в помещении людей.

— Не помешаю?

Трактирщик обменялся с подельниками быстрыми, едва заметными кивками. Один из бандитов, здоровый детина с грубым голосом, шагнул вперед:

— Какое там «помешаю»! Коли брезговать не станешь, парень, садись с нами. Вместе веселее.

По хриплому голосу Цзинь Хань сразу узнал их главаря.

— Мой спутник остался наверху, — мягко отказался он.

— Ну, раз так, просто зайди с мороза, — ухмыльнулся вожак.

— Что ж, пожалуй.

Притворившись, будто не замечает сочащейся из каждого угла жажды крови, Цзинь Хань неторопливо шагнул во внутренний двор. Под его сапогами сухо скрипнул свежий, глубокий снег.

Едва он дошел до середины двора, как тени пришли в движение.

Бандиты выскочили из укрытий разом, бесшумно и слаженно, беря его в кольцо.

Их мотивы были ясны как день: эти дуралеи польстились на драгоценный меч Гу Наньчжао и теперь боялись, что постоялец мог подслушать их заговор. Увидев, что парень остался один, да еще и без оружия, они решили прирезать его по-тихому, а уж потом разобраться с его малолетним спутником.

«Да уж, здешний злодей — полное ничтожество. Столько лет проторчал в старейшинах секты Ясной Луны, а авторитета не нажил ни на грош. Любая подзаборная шваль считает, что может

безнаказанно вытирать об него ноги. В моем прежнем мире стоило любому практику или смертному мельком увидеть мой лик — они бы тут же расшибли лоб в земном поклоне, вымаливая пощаду. А эти недоноски еще и оружием машут».

На суровые лица разбойников Цзинь Хань взирал с полнейшим равнодушием. Он даже не шелохнулся, лишь лениво приподнял руку, смахивая с плеча крупные хлопья снега.

— И к чему это представление, господа?

Нападавшие заблаговременно раскинули простенький изолирующий барьер, чтобы ни один крик не вырвался за пределы двора. Пятеро против одного — исход казался им предрешенным. Маски были сброшены, обнажив уродливые, искаженные злобой лица.

Шрамолицый главарь банды ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы:

— К чему? Сейчас узнаешь, щегол!

Он резко взмахнул рукой, давая отмашку. Четверо головорезов одновременно ринулись на Цзинь Ханя с разных сторон.

Оружие у них было разношерстным: ржавые тесаки, тяжелые секиры, короткие копья. Все — дрянные духовные инструменты низшего класса. Лишь у главаря в руках тускло поблескивал клинок среднего качества. Неудивительно, что они так жадно уставились на сокровище Гу Наньчжао.

«Хотя стоп, — раздраженно поправил себя Цзинь Хань. — Это же МОЙ меч! Этот паршивец Гу просто нагло его отобрал! Какая досада».

Острые лезвия со свистом рассекли морозный воздух. Цзинь Хань не сделал и шага назад. Его ладонь, расслабленно опущенная вдоль тела, мягко сжалась.

В то же мгновение кружащие в воздухе снежинки послушно устремились к его тонким пальцам, сплетаясь в длинную, мерцающую ленту. В неверных отсветах кухонного очага эта ледяная нить заискрилась чистейшим хрусталем. Выглядело это завораживающе красиво.

Короткий, свистящий росчерк.

Раздалось несколько глухих стонов, и нападавшие один за другим повалились на заснеженную землю. Их лица застыли в гримасах смертного ужаса — они даже не успели осознать, что произошло. На бледных шеях, словно по линейке, проступили тонкие алые полосы. Жизнь покинула их тела мгновенно.

Цзинь Хань разжал пальцы. Кроваво-ледяная лента осыпалась на белый наст, сложившись в изящный узор, напоминающий ветвь цветущей сливы. Багровый стебель, пунцовые лепестки — зловещее, но завораживающее зрелище, от которого любого смертного бросило бы в дрожь.

Цзинь Хань удовлетворенно оглядел свое творение, а затем покосился на бездыханные тела.

«Вот это я понимаю, уровень. Настоящему Повелителю демонов прилично убивать врагов одним мимолетным движением».

Однако мимолетная радость быстро улетучилась, уступив место мрачным думам. Цзинь Хань вспомнил о своем несносном ученике.

Даже если нынешнее тело старейшины по своей силе не уступало и десятой доле его истинного величия, Гу Наньчжао сейчас едва исполнилось восемнадцать. Мальчишка ни разу не покидал пределов ордена и не имел боевого опыта — суций желторотый птенец. Конечно, у главного героя всегда есть благословение небес, позволяющее крушить врагов сильнее себя, но сам Цзинь Хань — не какой-то бродячий разбойник, а один из сильнейших старейшин секты Ясной Луны. Он просто не мог проиграть так сокрушительно и нелепо.

Вспоминая их дневную схватку, Цзинь Хань ловил себя на мысли, что даже с его наметанным глазом он едва успевал следить за движениями парня. Либо у Гу Наньчжао припрятан невероятно могущественный артефакт, либо... этот сопляк уже сейчас обладал силой, способной потягаться с пиковым состоянием самого Повелителя демонов.

Но разве такое возможно? Какие еще тайны скрывает этот благообразный юноша?

Цзинь Хань поразмыслил над этим еще немного, но, так и не найдя ответов, решил, что выяснит все лично. Со временем.

Дверь кухни сиротливо покачивалась на петлях, ветер с силой трепал плотную занавесь, швыряя внутрь хлопья снега. Цзинь Хань вспомнил, зачем вообще сюда пришел. Перешагнув через остывающие трупы, он отодвинул портьеру и вошел внутрь, плотно прикрыв за собой дверь.

Разумеется, в захолустном притоне глупо было надеяться на изысканные яства.

Хоть Цзинь Хань и величал себя Повелителем демонов, в юности ему довелось пережить немало лишений, о которых он предпочитал не распространяться. К еде он был неприхотлив и при желании вполне мог состряпать что-нибудь съедобное сам.

Осмотревшись, он развел огонь. Из скудных припасов удалось сообразить сладкую кашу с красными финиками и пару простых блюд: хрустящий картофель в уксусной подливке и сочное жареное мясо с острым перцем. Вместо дров он использовал собственную духовную силу —

пламя взвилось ровным, яростным жаром, и уже через четверть часа ужин был готов.

Плотно поев, Цзинь Хань вышел наружу. Трупы во дворе уже успело наполовину занести снегом. Он прошел бы мимо, не удостоив их и взглядом, если бы вдруг не вспомнил хвастливые речи бандитов о яде «Мгновенная смерть».

Судя по засаленной обстановке заведения, притон процветал не один год, сгубив немало случайных путников. Если разбойники так уповали на свое зелье, оно и впрямь должно быть на редкость убойным.

В душе Цзинь Ханя проснулось любопытство. Сбежав из ордена в спешке, он не захватил с собой ничего, кроме меча, который теперь покоился в руках его неблагодарного ученика. Положение его было, мягко говоря, плачевным.

Он присел перед мертвецами и принялся бесцеремонно обыскивать их карманы. К своему удивлению, у главаря на пальце он обнаружил простенькое кольцо-хранилище. Внутреннее пространство артефакта оказалось крошечным, но забитым до отказа всяким хламом. Для великого демона эти пожитки не представляли никакой ценности, но выбирать не приходилось — на первое время сойдет.

Забрав трофеи, Цзинь Хань вернулся в главный зал. Теперь в этом двухэтажном здании остались только они с Гу Наньчжао. Вокруг царила густая, ватная тишина, нарушаемая лишь негромким потрескиванием углей в жаровне. О порции для мальчишки он, разумеется, не позаботился — с какой стати ему кормить своего злейшего врага? Однако возвращаться совсем с пустыми руками казалось невежливым.

Старейшина скользнул взглядом по столу и заметил глиняный чайник.

«Точно!»

Дорога была долгой и утомительной, мальчишка наверняка захочет пить. Самое время проявить заботу и принести ему чарку... щедро приправленную тем самым хваленым ядом. Заодно проверит, насколько эффективно действует эта дрянь.

При мысли об этом Цзинь Хань коварно ухмыльнулся. Он выудил из находок заветный пузырек, аккуратно плеснул ядовитую жижу в чашку и слегка взболтал ее, чтобы отравы растворилась без следа.

Но стоило ему обернуться, как он замер.

На верхней площадке деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, стоял Гу Наньчжао. Юноша молча и пристально наблюдал за каждым его движением.

Быстро справившись с секундным замешательством, Цзинь Хань непринужденно опустил чайник обратно на стол и поманил юношу рукой.

— Чжао-эр, спускайся скорее. У учителя есть для тебя подарок.

Пусть сейчас они едва терпели присутствие друг друга, формально они все еще оставались учителем и учеником. Цзинь Хань прекрасно знал, как сильно раздражает парня само упоминание этого родства, а потому намеренно подчеркивал свой статус, надеясь лишний раз попортить ему кровь.

Когда Гу Наньчжао неторопливо спустился, Цзинь Хань принялся демонстративно выкладывать на стол содержимое кольца.

Там нашлись теплая лисья шуба, плотное хлопковое пальто, потрепанная меховая шапка, добротные сапоги, а также пригоршня дешевых пилюль и сушеных лечебных трав. Горстку серебряных монет Цзинь Хань, не моргнув глазом, сразу же припрятал в собственный рукав.

— Гляди, — с самым честным видом завел он сладкие речи, — учитель выменял эти вещи у заезжих купцов. На улице мороз лютый, а ты у меня одет совсем легко. Не дай бог замерзнешь — у меня же сердце кровью обливаться будет.

Речи его лились слаще меда, способные растрогать любого до слез.

Однако на бледном лице Гу Наньчжао не отразилось ни капли благодарности. Он остался абсолютно равнодушен к этой фальшивой заботе и ровным голосом произнес:

— Ты их убил.

Цзинь Хань едва заметно поморщился.

«Какой пронизательный щенок».

Но вслух ответил со вздохом оскорбленной невинности:

— Разбойники первыми замыслили недоброе. Я лишь защищал свою жизнь, только и всего.

Он уже приготовился выслушать дежурную порцию праведного занудства в духе «зачем же губить души» или «нужно было дать им шанс исправиться», от которого у любого нормального человека скулы свело бы судорогой. Но, к его изумлению, Гу Наньчжао лишь понимающе кивнул, соглашаясь с его доводами.

Цзинь Хань мысленно хмыкнул, но развивать тему не стал. Схватив со стола нелепую меховую шапку, он без лишних церемоний нахлобучил ее прямо на голову юноше.

Гу Наньчжао, обладавший на редкость утонченной и благородной внешностью, в этом бесформенном убожестве мгновенно сделался похож на дряхлого старика, греющегося на завалинке.

Цзинь Хань не сдержался и весело расхохотался. В этот момент Гу Наньчжао протянул руку к чайнику и принялся наливать воду.

Сердце старейшины радостно екнуло.

Однако юноша не стал пить сам. Он аккуратно приподнял пиалу, в которую только что была подмешана смертельная доза отравы, и с поклоном протянул ее Цзинь Ханю.

Тот растерянно моргнул.

«Это еще что за фокусы?»

Он замер с улыбкой на лице.

— Это... мне?

Гу Наньчжао слегка прищурился и мягко улыбнулся. Цзинь Хань впервые видел, чтобы этот угрюмый мальчишка улыбался — словно весеннее солнце растопило зимние снега, заставив распуститься тысячи цветов. Лик его сиял чистотой и невинностью.

Жаль только, что за этой красотой скрывался смертоносный шип.

Смотрел он на него ласково и преданно, как самый примерный ученик, решивший выразить почтение наставнику. От прежней ледяной отстраненности не осталось и следа.

— Благодарю за заботу, учитель, — певуче произнес юноша. — Вы проделали долгий и тяжелый путь. Выпейте горячего чаю, согрейтесь.

Цзинь Хань лишился дара речи.

«Ишь, как запел, паршивец! Какую почтенную сироту из себя строит... С чего бы это вдруг такая щедрость?»

Одно он знал наверняка — пить эту дрянь он не станет даже под страхом смерти.

<http://bllate.org/book/20079/2029092>